

Маленькія мысли.

Время переходит, и мѣняется жизнь. Въ отношеніи долготѣтя въ смыслѣ продолжительности жизни духовенство среди другихъ сословій и профессій, по заключенію статистики, занимаетъ первое мѣсто, и въ его средѣ всего болѣе замѣчается лицъ, достигающихъ преклоннаго возраста. Ранніе браки, правильная трудовая жизнь, жизнь большею частію на свѣжемъ воздухѣ,—всѣ эти условія, по мнѣнію науки, и выковали изъ духовнаго сословія породу крѣпкую, выносливую, нравственно и физически здоровую, пользующуюся вслѣдствіе этого и большею долгожизненностью. Нисколько не имѣя чего-либо въ принципѣ противъ подобнаго заключенія вообще и въ главномъ соглашаясь съ нимъ, мы, однако, на основаніи данныхъ дѣйствительности, должны замѣтить, что во всемъ своемъ объемѣ, во всей полнотѣ и силѣ оно можетъ быть отнесено лишь ко времени прошедшему, къ жизни нашихъ отцовъ, но никакъ уже не къ намъ, ихъ дѣтямъ; „нашъ нервный вѣкъ“ коснулся и духовнаго сословія и достаточно порасшаталъ его. Жизнь стала итти ускореннымъ темпомъ и потребовала отъ духовенства усиленныхъ трудовъ, заботъ и напряженной энергіи, что естественнымъ образомъ отражается на здоровьѣ духовныхъ отцовъ и физически мельчаетъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ,—войдите въ любую семинарію и вы невольно обратите вниманіе, насколько мелки и тщедушны стали нынѣшніе духовные питомцы, какъ мало тамъ теперѣ крѣп-

кихъ, цвѣтущихъ, брызжущихъ здоровьемъ, юношей; какъ тигъ великорослаго семинара былыхъ временъ становится все рѣже и все болѣе отходить въ область преданій. Измѣнилось время, измѣнились и люди. Ужъ давно прошли и былѣмъ поросли тѣ блаженныя времена, когда православные батюшки, не мудрствуя лукаво, въ патріархальной простотѣ, проходили свой жизненный путь; когда приходская жизнь шла спокойнымъ ходомъ и тревогъ имъ не доставляла; когда всѣ мысли и заботы ихъ не шли дальше требъ и хозяйства, причемъ послѣднее, при обиліи дешевыхъ рабочихъ рукъ, всегда было выгодно и пріятно. Все это теперь безвозвратно кануло въ Лету; жизнедѣятельность современнаго пастыря проходитъ при обстановкѣ совсѣмъ другого характера, и духъ мира и покоя уже давно пересталъ окрывать ее. Обстоятельства послѣдняго времени, въ виду разстройства приходской жизни, потребовали усиленной пастырской дѣятельности всюду—и въ храмѣ, и въ школѣ, и въ приходѣ; вопросъ о доброхотныхъ даяніяхъ за требы обострился до крайней степени и поставилъ духовенство въ невозможное положеніе; сельское хозяйство, отъ котораго стали отказываться даже крупныя экономіи, вѣдомое въ мелкихъ размѣрахъ и наемными дорогими руками, кромѣ хлопотъ и убытковъ ничего не доставляетъ,—всѣ эти неблагоприятныя условія тяжелымъ бременемъ ложатся на современнаго священника, неврируютъ душу, прежде времени истощаютъ силы и самымъ пагубнымъ образомъ отражаются на его второй половинѣ—женѣ, дѣлящей съ мужемъ всѣ радости и горести жизни. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи дѣйствіе суровыхъ условій современной жизни прямо, можно сказать, трагическое: многія матушки не выносятъ ихъ тяжести, чахнутъ и раньше времени умираютъ.

Доказательствомъ такого положенія дѣла служить всѣхъ поражающій фактъ появленія за послѣдніе годы большой массы молодыхъ вдовыхъ священниковъ; фактъ весьма грустный, влекущій за собою крайне печальныя послѣдствія, какъ лично для самихъ вдовцевъ съ ихъ осиротѣлыми семействами, такъ и для ихъ непосредственнаго пастырскаго дѣла.

Нынѣшнія матушки, какъ по воспитанію, такъ и по физическому здоровью, рѣшительно не подходятъ къ той обстановкѣ, въ какой имъ приходится проводить жизнь. Съ ранняго возраста воспитанныя на книгѣ, истомленные потомъ многолѣтнимъ пре-

бываніемъ въ душныхъ стѣнахъ епархіальныхъ училищъ, нервно расшатанныя въ жалкихъ конурахъ начальныхъ школъ въ качествѣ ихъ учительницъ,—онѣ, по выходѣ замужъ, попадаютъ въ такія условія и въ такую работу, гдѣ нужны и желѣзное здоровье, и веревочные нервы. Возьмите, напр., хоть наше сельское хозяйство, всѣхъ этихъ свиней, коровъ, куръ, телятъ, за которыми, несмотря ни на какую погоду и время, нужно ходить, кормить, поить; примите во вниманіе, что прислуга нынѣ стала дороже денегъ и подчасъ ни за какую плату ея сыскать нельзя, что всѣ грязныя и тяжелыя хозяйственныя работы лежатъ на плечахъ одной только и безъ того слабой здоровьемъ матушки; представьте себѣ все это,—и тогда фактъ ранняго вдовства многихъ нынѣшнихъ священниковъ станетъ вполне понятенъ и объяснимъ. Случается, по цѣлымъ мѣсяцамъ въ домѣ не бываетъ ни кухарки, ни работника, и бѣдная хозяйка часто въ дождь и холодъ съ утра до вечера бѣгаетъ отъ кухни къ скотинѣ, отъ скотины къ кухнѣ, бѣгаетъ, чахнетъ и простужается. Несчастливая голова ея, вмѣщавшая когда-то музыку, математику, языки, а теперь занятая исключительно свиньями и телятами, глохнетъ, тупѣетъ; силы быстро истощаются; отъ вѣтра и работы лицо, руки грубѣютъ, корузнутъ, и по этому послѣднему признаку вы всегда можете въ вагонѣ желѣзной дороги, или на конкѣ узнать сельскую матушку. И не подумай, дорогой читатель, что это вымыселъ и сгущеніе красокъ; нѣтъ, все это взято съ природы, лично переиспытано и на сотняхъ примѣровъ было наблюдаемо и проверено. Не могу забыть случая, какъ мнѣ однажды пришлось быть въ домѣ одного священника, жену котораго я когда-то зналъ цвѣтущей, благовоспитанной барышней. Увидавъ эту барышню лѣтъ черезъ десять послѣ замужества, я рѣшительно не могъ узнать ея: передо мной стояло существо не по годамъ состарившееся, опустившееся; въ выговорѣ и привычкахъ было что-то крестьянское, простонародное; словечки „што“ и „чаво“ то и дѣло пестрили ея рѣчь и неприятно рѣзали слухъ. Но что особенно поразило меня въ этой матушкѣ, такъ это—кричащій тонъ ея рѣчи: она и спрашивала—кричала и разговаривала—кричала, и, грѣшный, я сначала прямо усумнился въ ея нормальности. Но потомъ все дѣло объяснилось тѣмъ, что у нея весьма обширное хозяйство; за неимѣніемъ хорошей прислуги, нанимается обыкновенно разный сбродъ—глухіе, хромые, съ которыми

хозяйкѣ постоянно приходится волноваться, говорить громко,—и вотъ, въ силу ежедневной и ежечасной практики, крикливый говоръ у нея и сдѣлался постояннымъ тономъ ея рѣчи, какъ въ кухнѣ съ рабочими, такъ и въ горницѣ съ гостями.

Некрасовъ, воспѣвая когда-то суровую долю русской крестьянки, съ горечью воскликнулъ: „доля ты доля, долюшка женская! врядъ-ли труднѣе сыскать“. Но въ настоящее время эти слова являются уже анахронизмомъ и смыслъ свой потеряли: нынѣшняя крестьянка избаловалась, отъ работы отвыкла и не о чемъ, кромѣ нарядовъ, не думаетъ.

Теперь роли перемѣнились: ея мѣсто по всѣмъ правамъ заняла сельская матушка, и нечему удивляться, если послѣдняя сохнетъ и вянетъ безъ времени, весьма часто оставляя послѣ себя несчастнаго мужа—вдовца съ цѣлымъ хороводомъ осиротѣлыхъ дѣтей.

Священникъ *Якишинскій*.

Маленькія мысли.

„Дайте мнѣ точку опоры, и я поверну землю“—воскликнул однажды Архимедъ въ порывѣ восторга отъ своихъ важныхъ научныхъ открытій, выражая тѣмъ самымъ глубокую вѣру въ великую силу науки. Но въ данномъ случаѣ вопросъ былъ напрасный, такъ какъ онъ выходилъ изъ предѣловъ науки, и никто поэтому не могъ найти и дать ему этой точки. Между тѣмъ она есть и всѣмъ извѣстна; всеильное дѣйствіе ея подтверждается исторіей, оправдывается вседневными опытами; но только искать ее нужно не въ мірѣ физическомъ, гдѣ полагалъ найти ученый, а въ мірѣ нравственномъ, и точка эта—вѣра наша, могущая, по слову Писанія, и „горы представляти“. Много за послѣднее время говорятъ и пишутъ объ упадкѣ въ народѣ той благодѣтельной силы; ставить его въ неразрывную связь съ нестроениями въ церковной жизни, толкуютъ о соборѣ, патріархѣ, видя въ нихъ почему-то

всемогущую панацею отъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Но такъ-ли это? Что религіозная жизнь народа клонится къ упадку, а вліяніе духовенства все уменьшается, противъ этого никто не возражаетъ; но нужны-ли патріархъ и соборъ для исцѣленія сихъ недуговъ и исцѣлятъ-ли они ихъ—это еще вопросъ весьма спорный. Принимая во вниманіе тѣ условія, въ какія поставлено у насъ рядовое духовенство, его все понижающійся умственный и религіозный уровень, матеріальную необезпеченность, отталкивающую изъ его среды лучшія силы,—невольно задаешься вопросомъ, возможно-ли здѣсь что—н. сдѣлать хотя-бы самому патріарху и собору, и въ нихъ-ли все дѣло? Какимъ-бы геніемъ ни былъ военачальникъ, въ какомъ бы чинѣ ни состоялъ онъ, какой-бы ни находился штабъ при немъ, но разъ армія голодна, плохо выучена и вооружена,—хорошихъ результатовъ на полѣ брани ожидать трудно; и государство съ такой арміей всегда будетъ въ опасности, и мощь ея равняется нулю.

Патріаршество и соборъ—это цвѣтъ и краса церковной жизни—есть ея вѣнецъ и заключеніе; это пышный букетъ на деревѣ Церкви, полной силъ и здоровья, а не начало и точка отпавленія.

Въ древнія времена христіанства и у насъ въ до-петровскій періодъ не возникало сомнѣній и разсужденій—нужны-ли соборы или нѣтъ, такъ какъ въ тогдашней церковной жизни, шедшей ходомъ нормальнымъ и здоровымъ, они были явленіемъ вполне естественнымъ, потребностью, необходимою и для всѣхъ очевидно.

Забей ключемъ и теперь приходская жизнь и войди въ свое русло,—появятся сами собой, какъ прямой плодъ, соборы и въ настоящее время. Нисколько не отрицая значенія началъ соборности и патріаршества, какъ символовъ величія и полноты церковно-религіозной жизни, мы полагаемъ-бы, что для оздоровленія послѣдней прежде всего нужно не начала эти вводить, а поставить въ нормальныя условія ея рядовыхъ руководителей, развязать имъ руки, матеріально обезпечить и тѣмъ привлечь въ ряды ихъ лучшія силы.

Это первое условіе, съ чего нужно начинать, и безъ чего всякія дальнѣйшія реформы—недѣйствительны, ибо не будутъ имѣть подъ собою главнаго основанія, фундамента; будутъ зданіями, построенными на пескѣ.

нну Худому спутанному коню не повезти большого воза, какъ-бы ни погоняли его, какого бы наѣздника ни сажали и въ какую-бы повозку ни запрягали. Ремонтъ ветшающаго зданія Русской церкви нужно начинать не съ золоченія главъ и креста, а съ поправки стѣнъ фундамента, основанія. Тѣмъ болѣе, что главы и кресты на ней и теперь хороши, какъ и прежде, они отливаются полнымъ блескомъ архипастырской мудрости, любви и попеченія.

Русская Церковь не оскудѣла и теперь ревностными святыми, право правящими слово истины; но стѣны, основаніе ея значительно обветшали и дали большія трещины; отъ суровой жизненной атмосферы лучшія ихъ части отпадаютъ и замѣняются матеріаломъ недоброкачественнымъ и непроработаннымъ.

Въ организмѣ русскаго духовнаго сословія центробѣжная сила взяла верхъ надъ силой центростремительной и грозитъ всему тѣлу разрушеніемъ; лучшія отборныя силы изъ ограды церковной сбѣгутъ, оставляя въ ней одни лишь жалкіе суррогаты. И не исцѣлить этого зла ни соборомъ, ни патриаршествомъ, ни циркулярами и инструкціями, какъ-бы послѣдніе ни были хорошо составлены и какія-бы блага дѣли ни преслѣдовали. Есть же въ настоящее время компетентный органъ, замѣняющій собой соборъ и патриарха; кажется, и въ предписаніяхъ и инструкціяхъ недостатка не ощущается; и если при всемъ этомъ приходская жизнь всетаки съ каждымъ годомъ падаетъ все болѣе и болѣе, то, очевидно, что суть дѣла здѣсь не въ учрежденіяхъ и законахъ, а въ чемъ-то другомъ, болѣе существенномъ и важномъ. А это-то другое, существенное и важное, и заключается именно въ живыхъ людяхъ, необходимыхъ для всякаго живого дѣла, каковыхъ людей у насъ нѣтъ; они ушли и постоянно уходятъ.

Вѣдь давно ужъ сказано, что „законы святы, да исполнители—лихе спустаты“, что „всеу законы писать, если ихъ не исполнять“. Повторяемъ, что законѡвъ, указѡвъ, предписаній и теперь масса; ежегодно они льются на насъ, какъ изъ рога изобилія; но дѣло въ томъ, кому понимать, исполнять и проводить въ жизнь все это, когда половина нынѣшнихъ іереевъ съ образованіемъ духовнаго училища, а изъ окончившихъ семинарскій курсъ принимаютъ священническій санъ лишь только тѣ, кои по недостатку головныхъ средствъ не могли пристроиться даже въ какіе-н.

коммерческіе и ветеринарные институты, не говоря уже объ университетахъ. Въ виду подобнаго положенія дѣла, можно-ли серьезно рассчитывать на успѣхъ въ борьбѣ, хотя-бы и подъ водительствомъ самого патріарха и собора, съ такими врагами Церкви, какъ невѣріе интеллигенціи, лжеученіе сектантства, нравственная распущенность и хулиганство простаго народа? Не будетъ-ли похожа въ данномъ случаѣ наша брань на войну какихъ-н. полинезійцевъ съ луками и стрѣлами противъ европейской арміи, вооруженной крупновскими пушками и другими изобрѣтеніями современной военной техники?

Правда, когда-то Давидъ съ одной пращей побѣдилъ съ ногъ до головы вооруженнаго Голиафа, и простены рыбаки апостолы своею проповѣдью покорили языческой міръ; но вѣдь тамъ было своего рода чудо, явленіе особой милости Божіей; тамъ Духъ Св. почивалъ, тамъ была пламенная, кровью запечатлѣваемая, вѣра. Намъ-же грѣшнымъ надѣяться на что-л. подобное, кажется, совсѣмъ не приходится: вѣры у насъ мало, а чудеса бывають рѣдки и стоятъ внѣ обычного хода вещей. Не выдерживаетъ критики и такое разсужденіе, что все равно, какъ-бы ни шло дѣло, Господь поможетъ и не допуститъ погибнуть Своей Церкви, такъ какъ Онъ Самъ сказалъ: „созижду Церковь Мою, и врата адава не одолѣютъ Ея“.

Дѣйствительно, — слово Господне непреложно, и Церковь Христова будетъ существовать на землѣ вѣчно; но отсюда весьма далеко до заключенія, чтобы Церковь существовала вѣчно непремѣнно у насъ; по грѣхамъ нашимъ Господь всегда можетъ отнять это сокровище и передать другимъ дѣлателямъ, болѣе достойнымъ насъ, чему примѣровъ можно указать немало. Есть цѣлыя страны, гдѣ христіанская жнзнь когда-то кипѣла и цвѣла, а теперь тамъ мерзость запустѣнія; есть мѣста, гдѣ прежде высоко и ярко блистало свѣтоносное Христово знамя, а въ настоящее время тускло свѣтитъ блѣдный мусульманскій полумѣсяцъ.

„Помянухъ дни древнія—и поучихся“, сказалъ псалмопѣвецъ и пророкъ Давидъ, показывая намъ тѣмъ самымъ, что исторію забывать нельзя, а изучать ее всегда полезно и поучительно.

Села Студенецъ свящ. В. Якиминскій.

Маленькія мысли.

Азбучная истина, избитое положеніе, что школа должна не только обучать, но и воспитывать; не только дѣйствовать на умъ, обогащать своихъ питомцевъ разными свѣдѣніями и познаніями, но и нравственно облагораживать ихъ: будить совѣсть, направлять къ добру волю, прививать послѣдней навъыки и склонности къ порядку, приличію и благожелательности. Изоощреніе однихъ умственныхъ способностей для жизни весьма недостаточно; образованіе—это обоюдоострый мечъ, который безъ соответствующей нравственной культуры является для человѣка скорѣй опасностью, нежели помощію, и можетъ принести больше вреда, чѣмъ пользы. Хотя В. Гюго и сказалъ, что «открыть школу—значитъ закрыть тюрьму», но прекрасный афоризмъ этотъ имѣетъ силу и соответствуетъ дѣйствительности лишь только тогда, когда школа здорова и нормальна, когда учебный и воспитательный элементы въ ней находятся въ гармоничномъ единеніи и одинъ не приносится въ жертву другому. Судебная хроника массами примѣровъ говоритъ намъ, что обладаніе однимъ знаніемъ, даже высшимъ, не можетъ удержать человѣка отъ самыхъ низкихъ нравственныхъ паденій, отъ самыхъ ужасныхъ преступленій. Въ виду такой важности воспитанія съ необходимостью его должна считаться каждая школа, какого-бы разряда она ни была, и въ какомъ-бы вѣдомствѣ ни состояла; но въ особенности, со всей силой, это относится къ школѣ начальной, гдѣ обучаются дѣти малыя, существа юныя, воспріимчивыя, на которыхъ каждое явленіе, каждый фактъ—дурной или хорошей—кладетъ рѣзкій слѣдъ, вслѣдствіе чего дѣтскія впечатлѣнія бываютъ самыми прочными и трудно изгладимыми.

Пренебреженіе воспитаніемъ ребенка, дурные примѣры съ дѣтства самымъ пагубнымъ образомъ отражаются на всей послѣдующей жизни человѣка; вотъ почему и Спаситель такъ строго осудилъ всѣхъ, соблазняющихъ «малыхъ сихъ». Но воспитываетъ-ли наша начальная школа, и что дѣлаютъ въ этомъ отношеніи учащіе въ ней?

Жизнь есть нелицепріятный судія и самый вѣрный оцѣнщикъ; обратимся прежде всего къ ней и въ ея обьден-

ныхъ фактахъ и явленіяхъ поищемъ того или другого отвѣта на данный вопросъ. Безъ сомнѣнія, всѣмъ и каждому изъ насъ ясно, что образованіе на Руси растетъ и множится, что количество школъ съ каждымъ годомъ увеличивается, и процентъ безграмотныхъ быстро сокращается. Въ силу сихъ данныхъ, слѣдуя вышеприведенному изреченію Гюго, нужно было-бы думать и вправѣ ожидать, что вотъ наступилъ моментъ и пришло время, когда власть тѣмы должна уступить мѣсто власти свѣта, когда число преступленій неминуемо должно сокращаться и идти на убыль, и что вообще дикости и невѣжеству пришелъ конецъ. Но, къ сожалѣнію, тщетны подобныя ожиданія: голосъ жизни говоритъ совсѣмъ иное. Правда—школы множатся и растетъ образованіе, но по выводамъ статистики правда и то, что на ряду съ образованіемъ растутъ и преступленія; послѣднія увеличиваются въ числѣ и разнообразятся по формамъ. Высокія качества души русскаго народа, еще разъ столь чудно проявившія себя въ послѣднюю грозу военной непогоды, находятся въ опасности. Пьянство и не разлучное съ нимъ всѣхъ родовъ гулиганство, какъ червь, подтачивали народный организмъ и расшатывали его силы—и духовныя и тѣлесныя, такъ что понадобился Царскій призывъ, чтобы положить конецъ этому злу.

Газеты, наполненныя теперь извѣстіями съ войны, прежде только и пестрѣли одними описаніями разнаго рода убійствъ, грабежей и насилій.

Очевидно отсюда, что жизнь — одно, а школа—другое; что послѣдняя, сообщая знанія и развивая умъ, внутренняго обновленія духа не даетъ и нравственнаго оздоровленія съ собою не несетъ. Таковъ голосъ жизни, таковъ выводъ о современной школѣ изъ фактовъ и явленій обыденной дѣйствительности, — выводъ подтверждаемый къ тому же и мнѣніемъ большинства лицъ, близко стоящихъ къ школьному дѣлу. Намъ много приходилось читать и бесѣдовать по данному вопросу, приходилось не мало и личныхъ дѣлать наблюденій въ этой области, и въ концѣ концовъ можно сказать лишь одно: за рѣдкими счастливыми исключеніями воспитательнымъ задачамъ въ начальныхъ училищахъ отводится самое послѣднее мѣсто, и въ большинствѣ случаевъ все дѣло въ нихъ ограничивается одною выучкой, однимъ развитіемъ памяти чрезъ прохожденіе положенныхъ программой предметовъ

Нисколько не будет преувеличиваніемъ, если скажемъ, что желаніе—какъ можно лучше стлчиться своими учениками на экзаменѣ, какъ можно больше выложить предъ начальствомъ всевозможныхъ свѣдѣній и познаній—есть первая и единственная забота всѣхъ и учителей и учительницъ; это главный и доминирующій стимулъ для всей ихъ дѣятельности, вслѣдствіе чего дальше заучиванія многочисленныхъ правилъ, формулъ, цифръ и наименованій—школьное дѣло обыкновенно неидетъ; такимъ заучиваніемъ оно начинается, имъ же и кончается. Заглянуть-же, напр., въ душу своихъ питомцевъ, помимо учебной программы о чемъ-л. почеловѣчески побесѣдовать съ ними, заинтересоваться ихъ нравами и привычками и тѣмъ или другимъ способомъ благотворно подѣйствовать на ихъ волю—всѣ подобныя вещи находятся внѣ круга заботъ и мыслей нашихъ народныхъ педагоговъ, отчего и наблюдается полнѣйшая оторванность школы отъ жизни и учащихся отъ той среды, гдѣ они живутъ и дѣйствуютъ.

Впрочемъ, вглядываясь въ положеніе и составъ современныхъ учителей—всего этого нужно было постоянно ожидать, и удивляться и сѣтовать здѣсь совершенно нечего. Учащій нынѣ попелъ интеллигентъ, съ образованіемъ никакъ не ниже средняго; на окружающую его сѣрую среду онъ смотритъ свысока и смѣшиваться, интересоваться ею онъ не имѣетъ ровно никакой нужды, ни повода. Какое, собственно говоря, ему дѣло до этой среды и ея жизни; что можетъ побудить учителя вникнуть въ нравы и обычаи своихъ питомцевъ, чѣмъ могутъ пострадать его личные интересы отъ того или другого внѣшкольнаго поведенія ихъ, когда, огордившись на нѣсколько мѣсяцевъ четырма школьными стѣнами, онъ ничто не видитъ и не слышитъ, вполне спокойно ограничивая кругъ своей дѣятельности внѣшнимъ выполненіемъ учебной программы и полученіемъ жалованія двадцатаго числа. При настоящемъ своемъ положеніи наши учащіе въ мѣстномъ населеніи представляютъ элементъ временный и случайный; въ большинствѣ случаевъ—это юныя перелетныя птицы, чуть ни каждый годъ мѣняющія свои школы и смотрящія на нихъ какъ на тюрьму, гдѣ имъ въ силу необходимости приходится прожить въ году нѣсколько скучныхъ томительныхъ мѣсяцевъ, гдѣ каждый проведенный безъ официальныхъ занятій часъ ихъ страшно тяготитъ, и они не знаютъ, что съ собой дѣлать и чѣмъ заполнить время.

Большинству из них и в голову не приходит, напр. когда-нибудь в праздничное время собрать учеников, их родителей, почитать, побеседовать с ними; наоборот—не довольствуясь полугодовыми каникулами и платным шестимсячным ничегонедѣланіемъ, наши учащіе стараются использовать каждый праздникъ, каждый поводъ—лишь бы только улизнуть изъ школы; отлучки ихъ бывають до того часты, что одно земство вынуждено было по этому поводу издать особый циркуляръ, воспреещающій учителямъ безъ особой нужды въ учебное время покидать свои школы. Отчужденность отъ школы, не любовь къ ней со стороны учащихся доходитъ порой прямо до курьеза: бѣгство ихъ по окончаніи учебнаго времени бываетъ до того поспѣшно, что они не успѣвають даже, какъ слѣдуетъ, собрать своихъ скромныхъ вещей, многое забываютъ и присылають за нимъ послѣ. Со стороны бываетъ иногда рѣшительно непонятно, какъ это, напр., учительница можетъ такъ равнодушно, прямо послѣ экзамена, не теряя ни минуты, уѣхать изъ школы, не оставшись побесѣдовать, погулять съ своими питомцами, надъ которыми она трудилась цѣлые годы и съ которыми, можетъ быть, видится въ послѣдній разъ! Не потому-ли отчасти и школьныя зданія наши выглядываютъ въ большинствѣ случаевъ такими грязными и непривѣтливими, что учащіе живутъ въ этихъ зданіяхъ лишь тѣломъ, душой-же витають вездѣ, гдѣ угодно, но только не въ нихъ. Не разъ приходилось наблюдать: появилась на потолокъ паутина, учительница никогда не догадается смести ее; или—выпаль изъ подъ картины гвоздь, послѣдняя перекосилась, и если завѣдующій не вобьетъ самъ, то отъ учительницы не жди: ни своихъ рукъ не приложить, ни сторожа не заставить. Случилось мнѣ какъ-то, за отсутствіемъ свѣта въ своемъ домѣ, отдать въ школу цвѣты; потомъ ученики принесли отъ себя нѣсколько банокъ, и вся школа наша украсилась зеленью, принявъ веселый и весьма пріятный видъ. Но интересно—что-же изъ этого получилось и что было дальше? Проходитъ мѣсяць—другой, хожу въ школу и замѣчаю, что цвѣты мои начинаютъ вянуть; вижу, что одни совсѣмъ не поливаются, другіе опариваються кипяткомъ изъ чайника; мало того—приходящія по субботамъ мыть полы, дѣвицы пользуясь полнѣйшимъ недосмотромъ, стали ломать себѣ вѣтки, а потомъ уносить и

цѣлыя банки, такъ что къ концу года отъ двадцати кустовъ зелени осталось лишь одно воспоминаніе, и школа опять приняла свой прежній казарменный видъ.

Конечно, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, изъ общаго правила бываютъ и исключенія; не всѣ, безъ сомнѣнія, учащіе, относятся холодно и формально къ своему призванію; есть и среди нихъ личности идейныя, горячо и беззавѣтно любящія свое дѣло; мы сами имѣли счастье видѣть у себя такую учительницу, благотворное вліяніе которой выходило далеко за предѣлы школы; но должно замѣтить, что подобные экземпляры до того рѣдки, что въ каждомъ уѣздѣ они на перечотъ.

Не въ укоръ учащимъ говоримъ все это, такъ какъ въ данномъ случаѣ болѣе виноваты не столько они сами, сколько ихъ временное и случайное положеніе, являющееся для большинства изъ нихъ переходною ступеню къ другому какому-либо образу жизни. Эта временность и случайность поселяетъ въ учащихъ скуку, недовольство, и только поэтому учительскій трудъ становится для нихъ тяжелымъ и обременительнымъ. Совсѣмъ-бы другая была картина и другое отношеніе къ дѣлу, если-бы наши учителя и учительницы, будучи хорошо обеспеченными, были въ состояніи вести образъ жизни семейный, осѣдлый, круглый годъ находиться при школѣ, имѣя хотя-бы маленькое хозяйство, какъ-то: огородъ, садъ, птицу и т. п. Тогда самыя условія жизни неволью заставили бы ихъ позаботиться и о воспитаніи своихъ питомцевъ; вѣдь не могъ бы равнодушно перенести учитель, если-бы, напр., его ученики потоптали у него огородъ, поломали яблони, или каждый вечеръ съ гиканіемъ пахабныхъ прибаутокъ стали мимо школьныхъ оконъ ѣздить въ ночное. На все бы это онъ обратилъ вниманіе и изъ своихъ личныхъ интересовъ что-нибудь предпринялъ для облагороженія какъ школьниковъ, такъ и взрослога населенія. Но, конечно, осуществленіе мечты объ осѣдломъ положеніи народныхъ учителей — дѣло далекаго будущаго; въ настоящее-же время, къ сожалѣнію, приходится констатировать тотъ фактъ, что школа отъ жизни стоитъ далеко и воспитательнаго вліянія оказываетъ весьма мало.

Села Студенецъ свящ. *В. Якишинскій.*

Маленькія мысли.

У Толстого въ романѣ «Война и Миръ» есть прекрасное, художественное описаніе обезматочившаго улья. Когда въ ульѣ потеряется матка, когда въ пчелиной семьѣ не станетъ главнаго объединяющаго центра, то пчелы разлетаются, и улей погибаетъ. На первый взглядъ, особенно сначала,

трудно бываетъ узнать такой улей: пчелы въ немъ летаютъ какъ-бы нормально, какъ въ здоровыхъ ульяхъ, такъ же выносятъ онѣ медъ и «колошку», такъ же выносятъ соръ и чистятъ соты. Но стоитъ только взглянуть попристальнѣй, какъ сразу же замѣтишь, что въ ульѣ неблагополучно: не тотъ запахъ, не тотъ звукъ и летъ у пчелъ, не та работа у нихъ. «Нѣтъ больше того ровнаго и тихаго звука, трепетанья труда, подобнаго звуку кипѣнья, а слышится нескладный, разрозненный шумъ безпорядка. На стукъ пчеловода въ стѣнку больного улья, вмѣсто прежняго, мгновеннаго и дружнаго отвѣта..., ему отвѣчаютъ разрозненные жужжанья, гулко раздающіяся въ разныхъ мѣстахъ пустаго улья. Пчеловодъ открываетъ верхнюю колодезю и осматриваетъ голову улья... Вмѣсто сплошныхъ рядовъ пчелъ, облѣпившихъ всѣ промежутки сотовъ и грѣющихъ дѣтву, онъ видитъ..., какъ грабительницы черныя пчелы шныряютъ быстро и украдисто по работамъ, а свои пчелы, ссохшія, короткія, вялыя, какъ-бы старыя, медленно бродятъ, никому не мѣшая, ничего не желая, и потерявъ сознаніе жизни». Нѣкоторымъ подобіемъ обезматочившему улью представляются намъ въ настоящее время и наши духовныя семинаріи—эти разсадники пастырства, питомники будущихъ работниковъ на нивѣ Христовой. Служить св. Матери-Церкви, хранить и оберегать ее отъ силъ вражнихъ, способствовать ея величію и славѣ—вотъ главная идея, положенная въ основу устройства духовно-учебныхъ заведеній. Идея эта—главный жизненный нервъ и одухотворяющій центръ въ духовной школѣ; ею должна жить и дышать семинарская семья и отъ ней получать тотъ отпечатокъ, тотъ нравственно-физическій обликъ, по которому каждый могъ-бы судить о будущемъ назначеніи ея членовъ. Да, такъ по идеѣ, по теоріи; въ дѣйствительности-же—Богъ судилъ иначе. Тяжелая жизненная атмосфера, окружающая духовное сословіе, вѣковѣчный матеріальный гнетъ и нравственная приниженность—сдѣлали свое злое дѣло: высокая идея служенія Св. Церкви потеряла всякую цѣнность въ глазахъ духовныхъ питомцевъ; этотъ нѣжный тропическій цвѣтокъ не могъ вынести житейскихъ бурь и морозовъ и на нашихъ глазахъ все чахнетъ и чахнетъ, все менѣе и менѣе находитъ любителей среди духовнаго юношества. Съ потерей семинаристами интереса къ этой идеѣ—духовная школа обезматочила,

она лишилась своего жизненного центра, вследствие чего насельники ея, какъ пчелы изъ больного улья, стали разлетаться въ разныя стороны. Постучите теперь въ семинарскій улей: вмѣсто дружнаго хора во славу св. Церкви, вмѣсто трепетанья труда въ подготовкѣ для дѣла Христова, вы услышите нестройные звуки разнообразныхъ стремленій семинаристовъ—въ университеты, институты, лицей—вообще куда угодно, но только не на дорогу своихъ отцовъ. И стремленіе это за послѣдніе годы достигло такой силы и напряженности, что двери свѣтскихъ учебныхъ заведеній, досель для семинаристовъ закрытыя, пришлось отворить, семинарскій улей размазать и выпустить заключенныхъ въ немъ на свободу. Въ настоящее время духовные юноши свободны; давно желѣмая мечта ихъ осуществилась, съ чѣмъ ихъ можно только поздравить и за нихъ порадоваться. Да, семинаристовъ можно поздравить и за нихъ порадоваться: здѣсь двухъ мнѣній быть не можетъ. Но что сказать о церкви и ея интересахъ? Какъ можетъ отразиться на нихъ фактъ свободнаго допущенія семинаристовъ въ свѣтскія учебныя заведенія—пользу или вредъ принесетъ онъ имъ?! По данному вопросу было уже много высказано и въ духовной и свѣтской печати, но всего интереснѣй въ этомъ отношеніи небольшая статья, подъ заглавіемъ «Думы и заботы», появившаяся въ 28 № Церковныхъ Вѣдомостей, о которой и поговоримъ мы. Авторъ статьи—архіепископъ Никонъ, имя извѣстное, имя авторитетное. Что же пишетъ онъ, и каковы его взгляды? Прежде всего должно замѣтить, что архіеп. Никонъ совершенно спокойно смотритъ на настоящее положеніе вещей въ духовныхъ школахъ и нисколько не сожалеетъ о семинарскихъ бѣженцахъ. Развивая мысль русской пословицы, что—«невольникъ—не богомольникъ», что насильственное привлеченіе къ дѣлу священства—вещь ненормальная, онъ не видитъ большого вреда для Церкви отъ бѣгства духовныхъ юношей на распутія міра, полагая, что данное обстоятельство только разгрузитъ наши семинаріи отъ излишняго балласта и дастъ возможность остаться въ богословскихъ классахъ лицамъ, дѣйствительно имѣющимъ призваніе къ священническому служенію. Авторъ скорбитъ лишь объ отсутствіи въ бѣженцахъ чистаго идеализма, скорбитъ о томъ, что духовные юноши стали интересоваться больше хорошимъ жалованіемъ, почетнымъ положеніемъ и уже

не смотрятъ на священническое служеніе, какъ на подвигъ; что имъ не понятно все величіе пазидательнаго смиренія сельскаго батюшки, по нуждѣ везущаго возъ навоза или изъ-за кошолки мякины служащаго мужику обѣдню. Съ тревогой видитъ арх. Никонъ, что матеріалистическимъ направленіемъ семинаристы заражаются отъ своихъ отцовъ, которые ждутъ не дождутся сѣсть на казенное жалованіе, полученіе коего, по мнѣнію автора, грозитъ духовенству опасностью превратиться въ сословіе чиновниковъ, когда духовные отцы только внѣшне будутъ исполнять свои обязанности, душой же далеко отстоять отъ своей паствы. Вотъ собственно всѣ главныя мысли статьи «Думы и Заботы»,—мысли съ которыми мы, при всемъ нашемъ глубокомъ уваженіи къ лицу, ихъ высказывавшему, никакъ согласиться не можемъ.

Конечно, совершенно вѣрно, что насильно заставлять молиться Богу—ненормально, что невольный богомолецъ ничего, кромѣ вреда для Церкви, принести не можетъ; но отсюда мы еще не видимъ ровно никакого основанія, никакихъ данныхъ считать всѣхъ семинарскихъ бѣженцевъ—небогомольниками и быть довольными ихъ бѣгствомъ. Чужую душу разгадать трудно; почему знать—сколько можетъ быть среди такихъ бѣженцевъ—лицъ глубоковѣрующихъ, которыя съ болью въ сердцѣ покидаютъ родную дорогу, покидаютъ именно изъ-за той котомки мякины; которой такъ восхищается архіеп. Никонъ. Чтобы, получивъ солидное образованіе, добровольно прельститься положеніемъ самому навозъ возить и за котомку мякины обѣдню служить, для этого нужно взлетѣть на такую высоту пастырскаго призванія, какая свойственна лишь подвижникамъ, а отъ рядовыхъ работниковъ требовать этого едва ли возможно.

Да еще вопросъ--не архаичны-ли теперь стали всѣ эти кошолки, и стоитъ-ли объ нихъ тосковать и тужить?! Вѣдь ужъ сами прихожане высказываютъ недовольство нынѣшнимъ способомъ содержанія духовенства, справедливо видя въ немъ и униженіе священнаго сана и положительный вредъ для церкви. Многие изъ того, что хорошо было прежде, въ настоящее время не приложимо совсѣмъ. Мы видимъ, что образованіе всюду растетъ и ширится, сектантство свободно увеличивается, и священнику теперь нужно зорко стоять на божественной стражѣ, быть въ курсѣ всѣхъ настроеній и те-

ченій мысли общества; въ противномъ случаѣ, гоняясь по нуждѣ за мякиной, онъ рискуеть потерять не только отдѣльныя зерна, но цѣлые колосья съ своей пастырской нивы.

По нашему мнѣнію, при современныхъ условіяхъ—идеаль Посошкова, когда «мужикъ за соху и попъ за соху»—есть анахронизмъ, жалкій и вредный пережитокъ, и бѣгство изъ-за него семинаристовъ въ свѣтскія учебныя заведенія мы считаемъ явленіемъ весьма печальнымъ, наносящимъ громадный, непоправимый вредъ церкви. Утѣшать себя тѣмъ обстоятельствомъ, что въ богословскихъ классахъ теперь останутся лица съ дѣйствительнымъ призваніемъ къ священству—нѣтъ оснований: останутся жалкія единицы, а нужны сотни и тысячи. Откуда ихъ взять, гдѣ набрать?! Уже и теперь духовное сословіе наполовину состоитъ изъ недоучекъ, а чего-же ждать дальше!

Въ то время, какъ наши враги мобилизуютъ свои лучшія силы, мы пробавляемся отбросами; вмѣсто того, чтобы привлечь чѣмъ-нибудь бѣженцевъ на свою сторону, мы распускаемъ нелѣпые страхи, что казенное жалованіе—это единственное средство хоть сколько-нибудь задержать у себя семинаристовъ—вещь опасная, и тѣмъ самымъ играемъ въ руку злѣйшимъ врагамъ Церкви.

Кстати объ этихъ страхахъ — откуда они? Мы ихъ давно слышимъ и всегда поражались, во-первыхъ, ихъ необоснованностью и недоказанностью, во-вторыхъ,—тѣмъ, что лица, распускающія подобные страхи, всегда оказывались сами сидящими на казенномъ обезпеченіи. Въ самомъ дѣлѣ,—получаетъ жалованіе наше черное духовенство, духовенство католическое, да и всѣ вообще работаютъ за опредѣленную извѣстную плату, и никто никого не обвиняетъ въ чиновничествѣ.

Но стоитъ только зайти рѣчи о жалованіи православному бѣлому духовенству, сейчасъ-же подымаются вопли опасенія, что священникъ-де станетъ чиновникомъ, священникъ обратится въ формалиста и не будетъ исполнять своего дѣла. И что же тогда представляетъ изъ себя православный священникъ, если онъ только одинъ на свѣтѣ можетъ работать лишь при условіи добровольныхъ подачекъ, въ родѣ кошолки мякины! Арх. Никонъ въ подтвержденіе своихъ страховъ приводитъ примѣры нѣкоторыхъ обезпеченныхъ священниковъ,

которые однако нерадиво относятся къ своимъ обязанностямъ; и мы вполне соглашаемся съ нимъ, что въ средѣ нашей есть такія личности, какъ есть онѣ и во всѣхъ другихъ сословіяхъ и профессіяхъ. Но строить на такихъ единичныхъ явленіяхъ какіе нибудь общіе выводы, по нашему мнѣнію, весьма нелогично. Да еще психологически далеко не выясненъ вопросъ — отчего человѣкъ скорѣе дѣлается формалистомъ, равнодушнымъ къ дѣлу: отъ избытка и сытости или же отъ отупляющей и изсушающей бѣдности? Здѣсь еще можно поспорить, и мнѣнія могутъ быть различны. А если такъ, то распускать печатно *urbi et orbi* свои необоснованные страхи во вредъ ближнему—въ высшей степени несправедливо. Мы знаемъ, что статья «Думы и Заботы» перепечатана нѣкоторыми свѣтскими газетами, и вполне увѣрены, что враги наши, когда имъ будетъ надо, воспользуются ею, какъ выраженіемъ мнѣній лица авторитетнаго и въ вопросахъ церковныхъ весьма компетентнаго.

Села Студенець свящ. В. Яшинскій.

Маленькія мысли.

Дѣти, дѣти. . . Какъ много въ этомъ звукѣ для сердца каждаго слилось, какъ много въ немъ отозвалось;

Въ самомъ дѣлѣ,—кому не мило слово „дѣти“, кто равнодушенъ къ нему, на кого не вѣтъ оно чѣмъ-то нѣжнымъ, чистымъ, дорогимъ! Если и существуютъ на свѣтѣ глухіе къ такому звуку, если и есть въ мірѣ сердца, которыми онъ ничего не говоритъ и нисколько ихъ не трогаетъ,—то это лишь рѣдкія, печальныя исключенія, жалкія аномаліи, прямое слѣдствіе или нравственной испорченности или психической ненормальности. Какъ противно законамъ природы—не любить человѣку себя, такъ противоестественно не любить ему и дѣтей, ибо они плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ; они повтореніе и продолженіе нашего „я“, и повтореніе почти въ томъ чистѣйшимъ видѣ, въ какомъ оно вышло первоначально изъ рукъ своего Небеснаго Творца.

Дѣтская натура является воплощеніемъ всѣхъ нѣжнѣйшихъ и благороднѣйшихъ качествъ души человѣческой—тѣхъ качествъ, которыя приближаютъ людей къ небожителямъ и, по слову Спасителя, служатъ необходимымъ условіемъ для вступленія въ Царство Небесное. Вслѣдствіе такой громадной

цѣнности дѣтской души. на насъ взрослыхъ лежитъ святая обязанность дорожить ею; всѣми мѣрами беречь этотъ нѣжный цвѣтокъ и лелѣять его до той поры, пока онъ окрѣпнетъ и самъ будетъ въ состояніи справиться со всѣми грѣховными дуновѣніями окружающей дѣйствительности. А пора эта приходитъ не скоро, и періодъ заботы о дѣтяхъ, начинаясь съ ихъ младенчества, долженъ охватывать и отрочество и юность, а послѣднюю въ особенности. Возрастъ юности, когда молодья силы кипятъ и рвутся наружу, а не окрѣпшая воля еще не можетъ хорошо управлять ими, — самое опасное время для человѣка; и плохо ему, если подлѣ него въ эту пору не будетъ любящей и сдерживающей руки лица взрослого. Къ чему ведетъ въ данномъ случаѣ отсутствіе надзора и руководства старшихъ, какія гибельныя бываютъ отъ сего послѣдствія, всего чаще можно наблюдать на дѣтяхъ крестьянскихъ, которыя пользуются обыкновенно полнѣйшей свободой въ поведеніи, и для большинства которыхъ воспитывающей средой является улица со всѣми своими отрицательными и погубными вліяніями. Въ младенствѣ и отчасти въ отрочествѣ, когда сознаніе работаетъ плохо, и ребенокъ многого понять еще не можетъ, крестьянскія дѣти какъ и всѣ вообще дѣти, чисты, невинны, милы и пріятны. Войдите въ благоустроенную начальную школу — какимъ тепломъ, успокаивающимъ вліяніемъ повѣютъ на васъ дѣтскія личики; какая-то невидимая, но ясно ощущаемая атмосфера чистоты, искренности, довѣрчивости охватываетъ васъ; можно просидѣть въ школѣ нѣсколько часовъ и не замѣтить, какъ пройдетъ время, — такъ пріятно, такъ освѣжающее дѣйствуетъ этотъ возрастъ.

Но вотъ періодъ дѣтской непосредственности миновалъ, окончилось и школьное ученіе; проходитъ годъ — другой, и вамъ не узнать школьныхъ питомцевъ. Куда дѣвалась вся прелесть ихъ недавняго обаятельнаго облика?! Куда исчезли та скромность и нѣжность, которыя васъ столь радовали и умиляли?!

Вмѣсто всѣхъ этихъ милыхъ, прежде такъ располагавшихъ къ себѣ, Ваней, Таней, Машей, — васъ встрѣчаютъ какія-то грубыя, дерзкія, необтесанныя созданія; вмѣсто скромныхъ, чистыхъ и довѣрчивыхъ глазокъ вамъ попадаются наглыя, искоса выглядывающія фізіономіи съ явнымъ признакомъ готовности на какую-угодно хулиганскую выходку. Видишь,

что все привитое въ школѣ слетѣло и пошло насмарку: исчезли всеѣ навыки приличнаго поклона и обращенія со старшими, пропала сдержанность и почтительность къ лицамъ вышепоставленнымъ; забыты школьные стишки и поэтическія пѣсенки, — вмѣсто нихъ разухабистыя частушки и пахабныя прибаутки сплошь-и-рядомъ оглашаютъпо вечерамъ деревенскій воздухъ.

И все это сдѣлала и всему виновата — улица, подѣ развращающее вліяніе которой послѣ школы попадаютъ деревенскія дѣти, прогуливая на ней по цѣлымъ ночамъ напролетъ — парни и дѣвушки вмѣстѣ. Считаая подобныя вещи недопустимыми для дѣтей своихъ, мы всеѣмъ другими глазами въ этомъ отношеніи смотримъ на крестьянство и нисколько не возмущаемся времяпрепровожденіемъ его молодого поколѣнія. Можетъ быть, когда-н. въ тихій майскій вечеръ, слушая разудалыя на деревнѣ пѣсни, на васъ даже сойдетъ поэтическое умиленіе, и вы подумайте: вотъ, дескать, гдѣ мощь русской природы, вотъ ея ширь и размахъ! Но — нѣтъ! Вы глубоко ошибетесь; это не мощь русская, а всего чаще ея похороны, это развалъ деревни, развалъ ея лучшихъ и молодыхъ силъ. Мы соотой доли не знаемъ изъ того, что творится среди крестьянской молодежи на этихъ зимнихъ и лѣтнихъ вечерахъ; мы и представить не можемъ, какъ развращаются и теряютъ здѣсь всякій стыдъ и совѣсть молодыя души; лучшей школы для хулиганства трудно и придумать. Не могу забыть, какъ мнѣ недавно пришлось быть у себя на волостномъ судѣ, гдѣ судились двѣ молоденькія дѣвушки за грязныя письма въ армію къ своимъ знакомымъ парнямъ; письма случайно попались на глаза начальству, которое и препроводило ихъ въ Волостное Правленіе для привлеченія авторовъ къ отвѣтственности. Ознакомившись съ документами, я прямо былъ пораженъ; по неприличію и цинизму — это было что-то невѣроятное; писарь даже отказался оглашать ихъ, заявивъ: „я человекъ пожилой, многое видалъ на свѣтѣ, но такого безобразія еще не встрѣчалъ и рта марать не хочу“. На судѣ выяснилось, что подобныя вещи — самыя обыкновенныя явленія среди крестьянской молодежи, хотя должно замѣтить, что населеніе наше весьма далеко отстоитъ отъ городскихъ и фабричныхъ районовъ. А что-же, спрашивается, творится теперь въ этихъ послѣднихъ? Объ этомъ всего лучше можно судить по заявленію, сдѣланному мнѣ однимъ подгороднимъ протоіереемъ, что добрая поло-

вина дѣвушекъ его прихода еще въ 15-лѣтнемъ возрастѣ теряетъ невинность, а молодые парни даже такимъ грѣхомъ бахвалятся на исповѣди. Вѣдь это одинъ ужасъ! И такое зло, которое грозитъ вырожденіемъ всему коренному и главному нашему сословію. Съ подобнымъ зломъ необходимо бороться всѣмъ и каждому, начальству и гражданскому и духовному, въ особенности, конечно, послѣднему, т. е. намъ пастырямъ Церкви. Очевидно, что одного школьнаго вліянія нашего мало: оно скоропроходяще и за порогомъ училища быстро сметается развращающимъ вліяніемъ улицы. Необходимо свое пастырское воздѣйствіе на крестьянскихъ дѣтей не ограничивать однимъ школьнымъ періодомъ, а черезъ воскресныя школы, чтенія, собесѣдованія продолжать и послѣ, пока воля ихъ не окрѣпнѣетъ и сама не будетъ въ состояніи бороться со всѣми соблазнами окружающей жизни. Здѣсь такое обширное поле дѣятельности для духовенства, здѣсь такая широкая и такая насущно необходимая задача, что для выполненія ея потребуются мобилизація всѣхъ его силъ и всего времени. И каждая казенная копѣйка, истраченная на поддержаніе престижа духовенства, на его выходъ изъ нынѣшняго тяжелаго и связывающаго ему руки положенія, для государства даромъ не пропадетъ, а окупится сторицею и скажется въ послѣдствіяхъ нравственнаго и физическаго оздоровленія народныхъ массъ. Съ перекочеваніемъ лучшихъ дворянскихъ силъ въ города, единственнымъ интеллигентнымъ труженикомъ въ деревнѣ остался только священникъ; положиться въ данномъ случаѣ болѣе не на кого, такъ что запугивать и обезсилить этого послѣдняго работника, какъ дѣлаетъ арх. Никонъ своимъ пожеланіемъ ему мякиннаго корма*,— есть вѣрнѣйшее средство отдалить народную ниву молодыхъ душъ на произволъ разнымъ вѣтрамъ и бурямъ, поставить духовно эту ниву въ положеніе той „несжатой полосы“, печальную судьбу которой такъ трогательно изобразилъ поэтъ Некрасовъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи.

Села Студенецъ свящ. *В. Якинскій.*

*) См. 28 № Цер. Вѣд. за 1915 годъ.

Маленькія мысли.

Когда на прошедшемъ Тульскомъ Епархіальномъ Съѣздѣ рѣшался вопросъ о распредѣленіи 65 тысячъ казенныхъ денегъ между бѣднѣйшими приходами епархіи, то большинство о. о. депутатовъ, нисколько не считаясь съ матеріальнымъ обезпеченіемъ каждаго причта въ частности, постановило означенную сумму раздать безразбора—богатымъ и бѣднымъ, сытымъ и

голоднымъ; раздать вообще по всѣмъ, кто только до сего времени не получалъ еще казеннаго жалованія.

Вдумываясь въ такое рѣшеніе сѣзда и предвидя его возможные послѣдствія, намъ кажется, что духовенствомъ здѣсь допущена весьма серьезная ошибка: поравнявъ богатыхъ съ бѣдными, сѣздъ обидѣлъ послѣднихъ и пошелъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ полный разрѣзъ какъ съ синодской инструкціей, такъ и съ правительственнымъ планомъ обезпеченія православныхъ причтовъ полнымъ казеннымъ жалованіемъ. Инструкція синодская прямо и ясно указываетъ, что отпускаемые казной деньги не есть *жалованіе* въ собственномъ смыслѣ, на которое имѣютъ право всѣ, но лишь *пособіе* исключительно только для бѣдныхъ и нуждающихся; причемъ размѣръ этого пособія, какъ всякаго пособія вообще, не можетъ быть равенъ и одинаковъ для всѣхъ, и его нельзя подводить подъ одинъ знаменатель. Не всѣ мы живемъ на одинаковыхъ доходахъ, необходимо считаться со степенью нужды каждаго; величиною нужды должна соразмѣряться и помощь, а если нѣтъ нужды, не должно быть и помощи.

Во многихъ уѣздахъ нашей епархіи, напр. Каширскомъ, Бѣлевскомъ, Веневскомъ, есть масса приходовъ съ населеніемъ душъ двѣсти—триста, съ землей, приносящей пять—шесть копенъ на десятинѣ, гдѣ годовой бюджетъ священника и при теперешнемъ казенномъ пособіи (300 руб.) не можетъ превышать пятисотъ рублей, гдѣ духовенство влачитъ крайне жалкое существованіе и чуть не голодаетъ. Тогда какъ въ черноземныхъ районахъ (о приходахъ губернскихъ и городовъ уѣздныхъ мы уже не говоримъ), въ которыхъ приходы большею частію многолюдные, а урожайность земли доходитъ до тридцати и болѣе, тамъ духовенство и безъ жалованія живетъ прилично, тамъ нерѣдко псаломщикъ получаетъ столько же, сколько въ другомъ мѣстѣ священникъ.

Вообще въ предѣлахъ даже одной только Тульской епархіи, при равенствѣ правъ кандидатовъ на причтовыя мѣста, замѣчается громадная разница въ ихъ матеріальномъ обезпеченіи: въ то время какъ одни живутъ припѣваючи, другіе же нищенствуютъ и, проживши день, не знаютъ, чѣмъ будутъ сыты завтра. Отсюда, кажется, вполне ясно, какъ слѣдуетъ обращаться съ казенными деньгами и кому давать ихъ; само дѣло показываетъ и настоятельно требуетъ, чтобы черезъ ка-

зенныя субсидіи, насколько возможно, подобную разницу уменьшить; и тамъ, гдѣ годовой заработокъ священника, хотя-бы и съ жалованіемъ, слишкомъ малъ и не даетъ средствъ жить по-человѣчески, тамъ необходимо прибавлять, увеличивать жалованіе; а въ приходы съ хорошими мѣстными доходами назначеніемъ онаго повременить. Съѣздъ-же, раздѣливъ деньги по всѣмъ, поступилъ какъ разъ наоборотъ, бѣдныхъ обездолилъ, а богатыхъ обогатилъ еще болѣе.

Въ силу своеобразно и неправильно понятаго принципа равенства пришлось дать жалованіе въ такіе прекрасные приходы, гдѣ сами причты его никогда не ждали и въ немъ не нуждались, такъ что находились благородныя личности, которыя за ненадобностью отъ денегъ отказывались и жертвовали ихъ на разныя благотворительныя дѣли. И въ центральный губернской приходъ дается пособіе въ триста рублей и въ какое-н. Несытово—Неѣлово съ сотнею или двумя душъ назначается столько-же, хотя весьма нерѣдко тамъ и здѣсь живутъ люди съ одинаковыми правами, образованіемъ, а иногда и достоинствомъ. Конечно, быть каждому въ хорошемъ приходѣ нельзя, это вполне понятно, да и зависеть это не отъ насъ; но ежегодно отпускаемая казной субсидіи даютъ намъ прекрасное средство *самимъ* болѣе или менѣе уравнивать наше матеріальное обезпеченіе и сдѣлать ненужными разнаго рода домогательства, исканія и постоянныя скитанія съ мѣста на мѣсто, какія наблюдаются теперь въ жизни духовенства; а мы не хотимъ или не умѣемъ такимъ средствомъ воспользоваться.

Нарушая синодскую инструкцію, рѣшеніе съѣзда, какъ мы сказали, не гармонируетъ и съ правительственнымъ планомъ—проектомъ обезпеченія духовенства полнымъ казеннымъ жалованіемъ съ освобожденіемъ отъ взиманія платы за обязательныя требы. Суждено или нѣтъ осуществиться такому плану это другой вопросъ; для насъ въ данномъ случаѣ важна его идея или точнѣе—способъ его выполненія.

Сущность проекта заключается въ слѣдующемъ. Берется какая-нибудь опредѣленная норма жалованія, напр. священнику тысяча или полторы, и слагается она прежде всего изъ суммъ мѣстныхъ: доходовъ земельныхъ, 0/0 съ причтовыхъ капиталовъ, платы за необязательныя требы и др.; казенныхъ-же де-

негъ отпускается не поровну всемъ, какъ дѣлаемъ теперь мы, а въ каждый приходъ постольку, поскольку идъ не хватаетъ до взятой нормы средствъ мѣстныхъ. Проектъ этотъ извѣстенъ всемъ, въ свое время онъ печатался въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, и, кажется, чего лучше и намъ-бы слѣдовать ему при разверсткѣ отпускаемыхъ казной денегъ! Стоитъ лишь выработать прежде всего какую-н. норму обезпеченія для членовъ причта и произвести точный подсчетъ мѣстныхъ средствъ каждаго прихода; а потомъ—въ тѣ приходы, гдѣ мѣстные доходы превышаютъ или равняются принятой нормѣ, казеннаго пособія не давать до тѣхъ поръ, пока другіе—бѣднѣйшіе черезъ ежегодныя казенныя прибавки не будутъ въ матеріальномъ отношеніи постепенно сравнены съ ними. Конечно, рѣшить въ такомъ направленіи этотъ трудный вопросъ скоро, въ одинъ день, какъ дѣлается на сѣздѣ, нельзя; необходима тщательная и добросовѣстная подготовка на мѣстахъ, по благочинническимъ округамъ, даже—не мѣшаетъ съ присутствіемъ лицъ незаинтересованныхъ, но зато благія послѣдствія такого приѣма и способа прямо неисчислимы. Поступая такъ, мы до некоторой степени сгладимъ разницу въ приходахъ по матеріальному обезпеченію и уничтожимъ поводы къ тѣмъ постояннымъ переходамъ духовенства съ мѣста на мѣсто, отъ которыхъ такъ страдаетъ и разстраивается иногда приходская жизнь. Мы предвидимъ, что многіе не будутъ согласны съ нашими мыслями, и назначеніе повторнаго жалованія въ бѣднѣйшіе приходы встрѣтитъ не мало противниковъ, но въ одной епархіи съ этимъ препятствіемъ справились очень остроумно и находчиво: всемъ протестантамъ этого рода предлагается помѣняться и перейти въ такіе приходы и пользоваться тѣмъ увеличеннымъ пособіемъ, противъ котораго они ратуютъ; мѣра эта оказалась дѣйственной, и протесты прекратились.

Въ заключеніе же можемъ сказать, что мы нисколько не обольщаемся, возможно и наши соображенія ошибочны; но въ одномъ мы лишь твердо увѣрены, что нынѣшній способъ распределенія казенныхъ денегъ неправиленъ, такъ какъ деньги эти, повторяемъ, не жалованіе въ собственномъ смыслѣ, а только пособіе для бѣднаго и нуждающагося духовенства.

Села Студенца свящ. В. Якшинскій.